

Гл. V. Проблемы исследования систем с рефлексией

Как уже отмечалось выше, на базе формирования языка и речи происходит вербализация образцов и переход от непосредственных социальных эстафет к опосредованным. Это отнюдь не отменяет исходного эстафетного механизма, но значительно обогащает картину социальной реальности и порождает новые проблемы. Прежде всего, мы сталкиваемся здесь с явлением рефлексии и с особенностями изучения рефлектирующих систем. Действительно, любая вербализация образцов представляет собой акт осознания того, что мы делаем или должны делать, являясь тем самым актом рефлексии. Поэтому теория опосредованных социальных эстафет неизбежно совпадает в своих основах с теорией рефлексии и систем с рефлексией.

Что такое рефлексия?

1. Традиционное понимание

В существующей литературе понятие рефлексии используется, как правило, в очень общем и достаточно расплывчатом смысле этого слова. При этом существует манера перечисления разных точек зрения от Локка до наших дней, что еще более усугубляет многозначность и неопределенность термина. Разумеется, в контексте той или иной системы философских взглядов слово «рефлексия» приобретает особый смысл. Мы, однако, ставим своей задачей рассмотреть такое явление, как рефлексия или, точнее, системы с рефлексией, не в историко-философской ретроспективе, а в контексте вполне современных проблем, с которыми постоянно сталкивается гуманитарная наука, сталкивается любой гуманитарий независимо от того, осознает он это или не осознает.

В «Новой философской энциклопедии» 2001 года читаем следующее: «Рефлексия – понятие философского дискурса, характеризующее форму теоретической деятельности человека, которая направлена на осмысление своих собственных действий, культуры и ее оснований; деятельность самопознания, раскрывающая специфику душевно-духовного мира человека. Рефлексия в конечном итоге есть осознание практики, мира культуры и ее модусов – науки, искусства, религии и самой философии»¹.

Здесь бросается в глаза странное сочетание сравнительно простых и понятных утверждений с утверждениями очень сложными по своему содержанию и поэтому достаточно неопределенными. Автор точно боится, что определяемый термин окажется слишком простым и понятным, и поэтому тут же добавляет «сложности». Судите сами. Сказано, что рефлексия – это деятельность человека, «которая направлена на осмысление своих собственных действий». На первый взгляд кажется, что все понятно. Но тут же добавлено, что это «форма теоретической деятельности», что это раскрытие специфики «душевно-духовного мира человека», что это осознание оснований культуры. Сказано, что «рефлексия в конечном итоге есть осознание практики».

¹ Новая философская энциклопедия. Т. 3. М., 2001. С. 445.

Опять-таки более или менее ясно, но тут же появляется мир культуры и ее модусы. Нужно ли сразу осуществлять такой скачок от осознания человеческих действий до выявления исходных оснований культуры? Впрочем, мы в данном случае вовсе не критикуем автора. Он писал энциклопедическую статью, которая призвана была отразить реальную практику словоупотребления, а под рефлексией действительно понимают и одно, и другое, и третье.

Но теоретические проблемы, как нам представляется, возникают только на базе более или менее простых и четких моделей и тогда, когда наши понятия более или менее определены. Иными словами, подлинная сложность в смысле богатства познавательных возможностей, задач и результатов – это следствие простоты. Поэтому мы начнем с уточнения того, что мы будем понимать под рефлексией или системами с рефлексией, и постараемся ограничить себя рассмотрением максимально простых ситуаций. Возьмем самое простое и, казалось бы, понятное: рефлексия – это форма деятельности человека, «которая направлена на осмысление своих собственных действий». Это очень традиционное представление, почти проходная фраза. Мы примем это в качестве исходного пункта для обсуждения, оставляя за собой право отказаться в дальнейшем от такого понимания, или, по крайней мере, существенно его уточнить. А уточнения явно необходимы. Например, следует ли понимать под рефлексией осознание тех или иных действий самим индивидом, который их осуществляет, или такое осознание может быть осуществлено и другим человеком, наблюдающим происходящее со стороны? Следует ли под рефлексивным осознанием понимать некоторое словесное описание или возможна рефлексия, не выраженная в языке?

2. Рефлексия и деятельность

Но дело не только в уточнениях. А нельзя ли высказать против такого понимания какие-либо принципиальные возражения? Нам представляется, что можно. Обратим внимание на следующие два пункта: 1. Рефлексия рассматривается как форма деятельности; 2. Она представляет собой осознание человеческих действий. Начнем с вопроса: а что понимается под человеческими действиями, которые подлежат осознанию? Очевидно, что наши действия – это вовсе не физические и не физиологические явления. Допустим, мы говорим, что человек написал на доске слово «ангел». Почему мы выделили именно это действие как нечто законченное? Можно представить это действие как состоящее из нескольких тоже законченных действий: написание буквы «а», буквы «н» и т.д. Но ведь с точки зрения физики или физиологии такое разбиение совершенно не оправдано: человек писал слово, не отрывая руки, процесс трения не прекращался, мел продолжал разрушаться, мышцы продолжали работать... Может быть, законченность действия определяется получением продукта, т.е. в данном случае отдельных букв или слова «ангел» в целом? Но это тоже определяется не физикой и не физиологией, а прежде всего той задачей, которую мы перед собой поставили. Кроме того, любая буква или слово могут быть представлены в огромном количестве вариантов, которые мы почему-то воспринимаем как одно и то же. Уже Ф. де Соссюр понимал бесперспективность концентрации внимания на чисто физических и

физиологических аспектах речи: «Если бы оказалось возможным при помощи киносъемки воспроизвести все движения рта или гортани, порождающие звуковую цепочку, то в этой смене артикуляций нельзя было бы вскрыть внутренние членения: начало одного звука и конец другого»². Итак, что же такое действие, и не является ли это действие, которое мы якобы осознаем в рефлексии, продуктом самой рефлексии?

Полагаю, что это именно так. Вспомним известную притчу о Шартрском соборе. На строительстве собора в средневековом городе Шартре спросили трех человек, каждый из которых катил тачку с камнями, что они делают. Первый пробормотал: «Тачку тяжелую качу, пропади она пропадом». Второй сказал: «Зарабатываю хлеб семье». А третий ответил с гордостью: «Я строю Шартрский собор!» Оставим в стороне этическое содержание притчи. Нам важно следующее: на этой модели хорошо видно, что деятельность – это продукт рефлексии. Надо различать поток человеческой активности сам по себе и деятельность, которая всегда связана с постановкой некоторой цели. Только осознание цели, т.е. конечного продукта, который должен быть получен, превращает физическую активность в деятельность. В активности самой по себе мы не способны однозначно выделить даже отдельные операции, ибо операция тоже задается путем указания на некоторый промежуточный продукт. Это примерно так же, как нельзя выделить слова в потоке речи на незнакомом нам языке.

Итак, рефлексия – это не столько осмысление, сколько порождение человеческой деятельности или человеческих действий. Возникает, однако, кардинальный вопрос: а можно ли в таком случае саму рефлексия считать деятельностью? Согласно всему уже сказанному, рефлексия в исходной своей форме не может быть деятельностью, ибо для этого она сама нуждается в рефлексии. Ну, а что же она такое? Простое и привычное утверждение, согласно которому рефлексия есть осознание наших действий, при более внимательном рассмотрении перерастает в проблему.

Для ответа попробуем несколько дифференцировать наши представления. Начнем с примера. Любой ученый-экспериментатор, поставив какой-то эксперимент, строит затем его описание. Вероятно, это акт рефлексии. Но построенное описание в принципе должно отвечать на два вопроса: 1. Что именно было сделано? 2. С какой целью это делалось? Ответ на первый вопрос – это описательная компонента рефлексии, ответ на второй – компонента целеполагающая. В принципе, как следует из уже сказанного, первое, т.е. описание, невозможно без второго. И если речь идет об операциях, которые мы представляем как далее неразложимые, то указанные компоненты полностью совпадают. Сравним друг с другом два описания: 1. «Я пишу книгу»; 2. «Я пишу диссертацию». Перед нами два действия с разными целевыми установками. Но можно ли здесь выделить и обособить описательную компоненту? Вероятно, нет. Но в случае сложных актов деятельности, в составе которых мы выделяем и перечисляем последовательные цепочки операций, такое перечисление относительно обособляется от

² Соссюр Ф. Труды по языкознанию. М., 1977. С. 75.

целевой установки акта в целом. Очевидно, например, что написание книги или диссертации можно разложить на множество более элементарных действий, и не исключено, что они в обоих случаях будут существенно совпадать. Совпадают операции, но не целевые установки.

В случае с Шартрским собором у первого из опрошенных доминирует описательная компонента, у остальных – целеполагание. Описание эксперимента в принципе предполагает перечисление реализованных операций, т.е. существенное присутствие описательной компоненты. Цель при этом иногда вовсе и не указывается. Но откуда мы знаем, что речь идет именно об эксперименте, а не о получении, например, какого-то вещества? Путем непосредственного наблюдения за действиями химика мы едва ли сумеем это установить. Но та ситуация, в которой осуществляются действия, а также включение полученного описания в текст монографии или статьи позволяют предполагать, что речь идет именно об эксперименте, а не о производственном акте. Целевая установка здесь задана наукой в целом. Впрочем, как все мы понимаем, целевые установки отдельного ученого вовсе не обязательно совпадают с ценностями науки как социального института.

Теперь мы можем ответить на некоторые поставленные выше вопросы. Очевидно, например, что описательная компонента рефлексии всегда представлена в языковой форме, но этого нельзя сказать о целеполагании. Столь же очевидно, что описание производственного акта или проведенного эксперимента – это некоторые целенаправленные акты деятельности, в которых описание выступает в качестве продукта. Но этого опять-таки нельзя сказать об акте целеполагания. Однако, строго говоря, рефлексия выступает как некоторая целостность, и акт целеполагания играет в ее составе ведущую роль. Поэтому нам еще предстоит ответить на многие вопросы относительно того, что такое рефлексия.

Системы с рефлексией

Но оставим пока все это в стороне и попробуем хотя бы грубо и предварительно уточнить, об объектах какого типа пойдет речь в данной главе. Под системами с рефлексией мы будем понимать такие социальные образования, которые, осуществляя определенное поведение, способны это поведение описывать в виде последовательности целенаправленных действий и использовать полученные описания для дальнейшего воспроизводства этих действий. Под поведением при этом мы понимаем просто некоторую активность безотносительно к ее целям и продуктам. Можно, например, сказать, что человек идет по дороге, не фиксируя, куда именно он идет и зачем. Именно рефлексия превращает поведение в деятельность, фиксируя цель, ради которой это поведение осуществляется.

В окружающей нас социальной реальности мы постоянно сталкиваемся с рефлексией и с рефлектирующими системами. Ученый ставит эксперимент и его описывает, чтобы другие члены научного сообщества могли его повторить. Это и есть рефлексия. Носители языка осуществляют определенное речевое поведение, не нуждаясь при этом в каких-либо правилах. Но эти правила нужны для того, кто хочет усовершенствовать или заново освоить этот язык. И вот появляются словари и нормативные грамматики, задающие правила

словоупотребления и построения предложений, предписывающие нам, что надо делать, чтобы выразить в данном языке то или иное содержание. Это тоже рефлексия. Влияет ли она на самих носителей языка? Полагаю, да. Она в какой-то степени канонизирует язык, закрепляя его нормы. Очевидно, что такая рефлексия и сама должна быть выражена в языке. Столь же очевидно, что указанное каноническое описание языка реализует не каждый говорящий на этом языке, а лингвист, который его исследует, опираясь при этом отнюдь не только на собственный опыт. Иными словами, рефлексия по поводу каких-либо действий вовсе не обязательно должен осуществлять тот, кто действует. К этому последнему пункту мы еще вернемся.

Можно сказать, что речевое общение людей, наука, производство, литература и т.п. – все это системы с рефлексией. Все социальные образования, в рамках которых люди реализуют определенное поведение, фиксируя при этом в языке цели и нормы этого поведения, – все это системы с рефлексией. Для контраста приведем еще один пример. Представим себе археолога, который реконструирует и описывает технологию производства каменных орудий эпохи палеолита. Можно ли считать, что он осуществляет акты рефлексии? Вероятно, нет, ибо полученные описания никак не могут быть заимствованы и использованы первобытным человеком, поведение которого фиксирует археолог. Иными словами, рефлексия – это не просто некоторое описание человеческого поведения. Это такое описание, которое становится или в принципе может стать элементом той системы, которая это поведение осуществляет. Именно поэтому мы предпочитаем говорить не о рефлексии самой по себе, а о системах с рефлексией.

Применение этого термина к науке может вызвать некоторое недоумение, с которым автор неоднократно сталкивался. Действительно, разве наука познает и описывает сама себя, разве в этом ее задача? Очевидно, что, по крайней мере, естествознание нацелено не на изучение науки, а на изучение природных явлений. Но, строго говоря, самих себя не изучают и гуманитарные дисциплины. Науковедение, например, строит знания не о себе, а о физике, химии, биологии... Короче, наука познает внешние по отношению к ней явления, но никак не себя. ~~Всё~~ ~~это~~ так, и, тем не менее, наука не существует без описания экспериментов и методов исследования, без формулировки своих задач, без обсуждения предмета отдельных дисциплин... Более того, при ближайшем рассмотрении довольно легко придти к выводу, что фактически почти все в науке сводится к рефлексии. Кое-что, разумеется, надо отбросить с самого начала. Рассмотрим это более подробно. Стоит хотя бы бегло просмотреть с десятков учебных курсов или монографий из разных областей знания, и мы найдем уйму сведений и об истории этих областей, и о закономерностях их развития. Нет никаких оснований относить все это к научной рефлексии. Просто любой ученый, будучи химиком или биологом, может в то же время интересоваться и живописью, и историей своей науки, и теорией познания. Живописью или историей в данном случае интересуется физик, а не физика, ученый, а не наука, даже отбросив все эти привходящие компоненты научных текстов и сосредоточив свое внимание на науке как таковой, мы не избавимся от представления, что наука – это и есть рефлексия. Действи-

тельно, можно ли провести резкую границу между описанием объекта и описанием деятельности с объектом, между знанием о мире и знанием возможностей и границ человеческой деятельности? Представьте себе, что вы описываете способ получения какого либо химического соединения. Следует ли рассматривать это как описание деятельности химика, т.е. как продукт его рефлексии, или перед нами характеристика получаемого вещества? Очевидно, что имеет место и первое, и второе одновременно и, более того, едва ли можно названные аспекты полностью отделить и противопоставить друг другу. Любые знания о мире связаны в конечном итоге с человеческой практикой, с человеческой деятельностью, без этой связи они, вероятно, просто не существуют. Но что же в таком случае в науке не является рефлексией?

Наука, несомненно, не ставит перед собой задач самопознания, ее задача – познание некоторой внешней реальности. Но, решая эту задачу, она вынуждена постоянно фиксировать в языке проделанную работу, осуществляя тем самым и акты рефлексии. Так что же она делает: познает мир или себя самое? Думаю, что ключ к разгадке дает нам притча о Шартрском соборе. Человек, который, согласно его утверждению, строит собор, одновременно зарабатывает и хлеб семье. Наука тоже прежде всего познает мир, но одновременно строит и рефлексивную картину деятельности ученых. В последующих главах мы рассмотрим это более подробно.

Две стратегии рефлектирующих систем

В «Воспоминаниях» Ксенофонта до нас дошел следующий разговор Сократа с Евфидемом³. Сократ спрашивает, куда отнести ложь, к делам справедливым или несправедливым. Евфидем относит ее в разряд несправедливых дел. В этот же разряд попадают у него обман, воровство и похищение людей для продажи в рабство. Сократ переспрашивает его, можно ли что-нибудь из перечисленного считать справедливым, но Евфидем отвечает решительным отрицанием. Тогда Сократ задает вопрос такого рода: справедливы ли обман неприятеля, грабеж жителей неприятельского города и продажа их в рабство? И все эти поступки Евфидем признает справедливыми. Он уточняет свою точку зрения и говорит, что несправедливо обманывать не врагов, а друзей. Но Сократ опять приводит пример: а справедливо ли обманом дать лекарство больному ребенку? И Евфидем вынужден признать это справедливым.

В контексте нашего обсуждения разговор интересен тем, что демонстрирует достаточно простой и ясный пример рефлексирующей системы. Действительно, Сократ фактически требует от Евфидема рефлексивного осознания того, что тот понимает под несправедливостью, требует осознания или вербализации образцов словоупотребления. Евфидем формулирует несколько «правил», утверждая, что несправедливыми следует считать ложь, грабеж, продажу в рабство. Важно подчеркнуть, что любая попытка уточнения или определения такого рода понятий, которые до этого использовались только в рамках непосредственных эстафет словоупотребления, представляет собой типичный акт рефлексии.

³ Ксенофонт. Воспоминания о Сократе. М., 1993. С. 119–121.

Но вернемся к беседе Сократа, ибо мы далеко не исчерпали ее содержания. Евфидем не только рефлексировал, он почему-то тут же отказывается от результатов своей рефлексии. Что же заставляет его неожиданно отказаться от им же сформулированных правил? Ведь, казалось бы, на последующие вопросы Сократа он должен отвечать примерно так: «Но я же уже сказал, Сократ, что ложь несправедлива!» Но Евфидем этого не делает, он сразу сдается перед лицом некоторой невидимой для нас силы. Впрочем, сила эта, как мы понимаем, просто представлена набором образцов словоупотребления, которые находятся в поле зрения Евфидаема. Сократ просто о них напоминает. И вот эти образцы оказываются «сильнее» сформулированных в рефлексии правил. Все это интересно в том плане, что демонстрирует две возможных стратегии поведения рефлектирующей системы. Первая стратегия состоит в том, чтобы в ситуациях, когда рефлексивные предписания противоречат непосредственным образцам, отдавать предпочтение последним. Именно так и поступает Евфидем. Стратегии подобного рода достаточно распространены в науке. Речь при этом идет не только о продуктах рефлексии в буквальном смысле слова, но и о вербальных программах вообще. Приведем пример из истории геологии, хорошо это иллюстрирующий.

Академик Н.М. Страхов в своей работе, посвященной истории развития отечественной литологии, отмечает, что еще в 1923 г. Я. В. Самойловым была сформулирована программа работ по изучению осадков и осадочных пород. Эту программу Страхов оценивает очень высоко. Статья Я. В. Самойлова, – пишет он, – «сознательно ставила задачу создания литологии именно как науки и в соответствии с этим разработала глубоко продуманную программу исследований»⁴. И тут же Страхов пишет: «К сожалению, эта статья давно и глубоко забыта»⁵. И как забыта! Оказывается, что она не упоминается ни в солидных исторических обзорах, ни в юбилейных статьях, посвященных литологии, ни в одном из учебников и, наконец, она даже не фигурировала в дискуссии по литологическим проблемам, где центральное место занимали вопросы методологии. Что же произошло? Как могла быть забыта такая интересная и значимая работа? Отвечая на этот вопрос, Н. М. Страхов формулирует следующее общее положение, которое можно назвать законом Страхова: «Судьбы программных статей вообще, – пишет он, – за редчайшим исключением, одинаковы: *если эту программу не реализует сам автор ее (вместе с коллективом) или же кто-либо из учеников, действительно проникнувшийся идеями учителя, то она быстро забывается, а реальная научная работа идет совсем по другому руслу*»⁶. А нельзя ли это обобщить в виде такого утверждения: непосредственные образцы «сильнее» вербализованных предписаний?

В работе Н. М. Страхова содержится любопытный факт, на который нельзя не обратить внимания. Он пишет, что еще при жизни Самойлова им и его сотрудниками «проводится изучение и освоение методов механического анализа осадков и выбор из них наилучшего,

⁴ Страхов Н.М. Развитие литогенетических идей в России и СССР. М., 1971. С. 13.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 18.

налаживается методика химического и особенно спектроскопического анализа осадков и пород. Перед Бюро Международного геологического конгресса им ставится вопрос о необходимости «единства механической характеристики осадочных пород», т.е. о выборе единой шкалы размерных фракций зерен и их номенклатуры»⁷. А страницей позже, говоря об учениках Самойлова, Страхов отмечает, что в их исследованиях получили развитие лишь некоторые идеи учителя, «*касающиеся технических приемов работы (механический анализ, его стандартизация), но вовсе утрачена основная идейная установка*». Но ведь технические приемы работы – это как раз то, что было начато еще при жизни Я. В. Самойлова, то, что он оставил своим ученикам на уровне непосредственных образцов. Именно это они и взяли, утратив программу в целом, которую Самойлов мог указать только в форме словесного предписания.

Возможна и вторая стратегия. Мы при этом не рассматриваем тех случаев, когда непосредственных образцов вообще нет в поле нашего зрения. Очевидно, что тогда нам ничего не остается, как действовать в рамках опосредованной эстафеты. Но другая стратегия возможна и в описанной ситуации. Как уже отмечалось, Евфидем мог занять такую позицию: «Я же уже сказал, Сократ, что ложь несправедлива». Определяющим при этом становится рефлексия, рефлексивные предписания заглушают непосредственные образцы. Такая позиция – это позиция теоретика. При последовательном ее проведении она с необходимостью порождает различного рода идеализации в качестве защитных поясов. Попробуем продолжить беседу при условии, что Евфидем занимает именно такую позицию. Сократ, допустим, указывает, что на войне, если мы не обманем противника, то можем погибнуть сами, а если не дадим обманом лекарство больному сыну, то он может умереть. А справедливо ли это? Как быть Евфидему? Один из возможных путей состоит в следующем: «Ты спрашиваешь меня, что такое справедливость, Сократ, я отвечаю. А можно ли быть справедливым в этом мире – это другой вопрос». Такой ответ и равносителен появлению идеализации: справедливость определяется для некоторого идеального мира. Подобного рода постоянно встречаются в науке. Вот пример такой смены стратегий применительно к механике. В предисловии к лекциям Н.Е. Жуковского «Теоретическая механика» Вл. Голубев пишет, что «эти лекции являются итогом весьма длительной преподавательской работы знаменитого русского ученого и представляют собой замечательный памятник решительного перелома в воззрениях на роль и значение механики...» В чем же Голубев видит суть указанного перелома? «До Н.Е. Жуковского, – продолжает он, – университетский курс механики рассматривался как чисто умозрительный, а сама теоретическая механика рассматривалась как часть математики. ... Для лекций Н.Е. Жуковского характерен решительный отказ от подобной точки зрения. Н.Е. Жуковский рассматривает механику как естественную науку, изучающую механические движения, наблюдаемые в природе...»⁸. Можно с улыбкой сказать, что Жуковский

⁷ Там же. С. 17.

⁸ Жуковский Н.Е. Теоретическая механика. М-Л., 1950. С. 9.

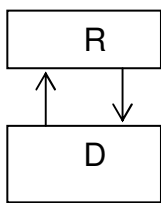
занимает ту же позицию, что и Евфидем, опираясь на образцы практической и экспериментальной деятельности. А вот с математиками Сократу пришлось бы туго, и никакого диалога не получилось.

Две стратегии рефлексии часто дают о себе знать при обсуждении вопросов терминологии. В одном случае большое значение придается исходному смыслу слов, в другом – они просто игнорируются. В математике и физике доминирует вторая стратегия: цвет кварков не имеет ничего общего с цветом в обычном смысле слова, алгебраическое кольцо – с кольцом обручальным. В гуманитарных науках, напротив, превалирует первая стратегия.

Подходы к изучению рефлектирующих систем

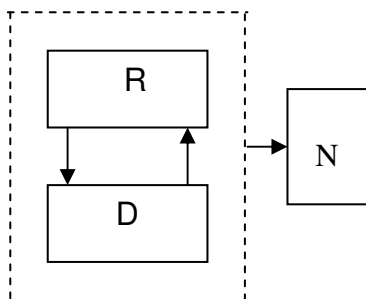
1. Надрефлексивная позиция

Систему с рефлексией можно представить как состоящую из двух блоков, связанных друг с другом прямой и обратной связью, где блок D –

это поведение системы, а R – рефлексия, т.е. определенное описание реализуемых акций. Будем пока фиксировать свое внимание в основном на описательных компонентах рефлексии. Трудность, однако, в том, что совершенно не ясно, как исследовать систему такого рода. Мы сталкиваемся здесь с парадоксальной ситуацией: изучаемая система сама себя описывает, и при этом нет оснований полагать, что ее описания в чем-то неадекватны. Можно ли найти что-либо подобное в мире естествознания? На первый взгляд кажется, что нет. Ни атомы, ни элементарные частицы не рассказывают физику о своем поведении на родном ему языке.

Проанализируем ситуацию более подробно. Допустим, физик или химик ставят научный эксперимент и публикуют статью, в которой осознают и описывают осуществленные акции. Как должен поступать исследователь науки, историк или философ? У него два пути. Первый – просто заимствовать рефлексивные описания и в лучшем случае их как-то систематизировать. Мы, таким образом, фактически отказываемся от какого-либо самостоятельного исследования и присваиваем себе чужие результаты. Не секрет, что это и фактически имеет место. Например, в философской литературе очень часто можно встретить утверждение, что теория строится относительно так называемых идеальных объектов типа материальной точки, абсолютно твердого тела и т.д. Но об этом на

спросят: «А как же иначе?»

каждом шагу пишут сами исследователи, т.е. представители тех научных областей, которые призван изучать философ науки. Если мы спросим у философа, что собой представляет такой идеализированный объект, как материальная точка, то он тоже, как правило, повторит формулировку, которую легко найти в любом курсе механики. Уверен, что многие из моих коллег просто пожмут плечами и

Существует, вероятно, второй путь – надо найти собственную исследовательскую позицию, собственный подход, отличный от рефлексии. Можно, например, рассуждать так: рефлексию интересует поведение системы, а нас – система в целом, включая и саму рефлексию. В этом случае иногда говорят о двух исследовательских позициях: «внутренней» и «внешней». Исследователь рефлектирующей системы пытается как бы вывести себя за пределы этой системы и посмотреть на нее со стороны. Назовем такую позицию надрефлексивной. Схематически это можно изобразить следующим образом. Четырехугольник N обозначает здесь «внешнего» наблюдателя, занимающего надрефлексивную позицию, а пунктирная линия выделяет систему с рефлексией как некоторую целостность. Речь при этом идет, разумеется, не о пространственных отношениях, а о специфике исследовательской позиции, о специфике подхода к исследованию объекта. Можно поэтому с рефлексивных позиций описывать поведение других людей, а можно занять надрефлексивную позицию по отношению к самому себе, казалось бы, все просто, но от трудностей мы не избавились. Как должен работать исследователь, занимая место N? Можно сказать, что он должен описать поведение системы D, затем описание этого поведения в R и, наконец, обратное воздействие R на D. Но ведь поведение системы уже зафиксировано в рефлексии. Должны ли мы просто повторить это описание? Одно дело, если бы рефлексия ошибалась, и мы имели бы возможность ее исправлять. Тогда схема наших рассуждений могла бы иметь такой вид: система на самом деле реализует поведение D₁, но рефлексия воспринимает его как D₂, что приводит к следующим последствиям... Но мы, как уже отмечалось выше, вправе предполагать, что рефлексия вполне адекватна. Конечно, она может быть и ошибочной, но это никак нельзя брать за правило. А тогда работа исследователя начинает выглядеть как некоторая тавтология: система реализует поведение D₁, рефлексия описывает это поведение как D₁, в силу чего система продолжает повторять это поведение. Однако это принципиально важно, тавтологии можно избежать за счет ряда дополнительных предположений. Допустим, что первоначально поведение системы осуществлялось без каких-либо описаний, т.е. в рамках непосредственных социальных эстафет. Предположение вполне правомерное, ибо, как мы уже видели, большинство наших акций именно так и осуществляется. Что же происходит, когда возникают рефлексивные описания нашего поведения? Появляется принципиально новый механизм социальной памяти, новый механизм воспроизведения поведенческих актов. Одно дело освоение родного языка ребенком, другое – освоение его по грамматикам и словарям, как это часто делают взрослые люди.

Обратите внимание, в приведенном рассуждении уже нет никакой тавтологичности. Но за счет чего? За счет того, что мы стали говорить не только о содержании поведения, но и о его механизмах, о механизмах воспроизводства поведенческих актов. Но, может быть, в этом и состоит специфика надрефлексивной позиции? Рефлексия описывает содержание поведения, его феноменологию, а исследователь N плюс к этому – механизмы его воспроизведения и, главное, их взаимоотношения друг с другом.

2. Особенности рефлексивного описания

Близкую позицию занимает П. Фейерабенд, противопоставляя друг другу участника процесса и внешнего наблюдателя. «Наблюдатель хочет знать, что происходит, а участник – что ему делать. Наблюдатель описывает жизнь, в которой сам не участвует (разве только случайно), участник же хочет устроить свою собственную жизнь и спрашивает себя, какую позицию он должен занять по отношению к факторам, пытающимся повлиять на нее»⁹. Обратите внимание, участника интересуют конкретные программы: что следует делать в данной ситуации. А наблюдатель просто описывает жизнь, включая не только программы деятельности, но, вероятно, и механизмы их формирования и развития. Если принять противопоставление Фейерабенда, то рефлексия всегда утилитарна: она отталкивается от задачи, которую надо решить, она пытается построить акт деятельности, который приводил бы в данных условиях к решению этой задачи. Характер процедур, которые она при этом фиксирует, определяется именно задачей и обстоятельствами. Ее при этом совершенно не интересуют объективные механизмы нашего поведения: почему, например, одни и те же задачи человек решал различным образом в разные исторические эпохи, почему мы действуем или ведем себя так, а не иначе, и действительно ли это обусловлено ситуацией, а не традицией? Ее это не интересует, ибо, вообще говоря, не помогает решению ее задач. В отличие от этого позиция надрефлексивная – это, прежде всего, позиция ученого, который, фиксируя феноменологию поведения, пытается ее объяснить на базе выявления каких-то социальных механизмов.

Итак, можно внести еще одно уточнение в наше понимание рефлексии. В дальнейшем мы будем предполагать, что речь идет об описании феноменологии человеческого поведения в форме целенаправленной деятельности. Иными словами, если мы начинали с функциональной характеристики рефлексии просто как описания человеческой активности, то теперь мы можем специфицировать ее по содержанию, противопоставляя друг другу феноменологический и объясняющий подходы. Можно поэтому говорить, что человек, фиксирующий в своем описании феноменологию деятельности, стоит на рефлексивной позиции, которая фактически совпадает с понимающим подходом. Эта позиция дает о себе знать при обсуждении широкого круга проблем теории познания, эпистемологии и философии науки. В частности, например, любая попытка объяснить или вывести те или иные особенности познания из объекта – это скрытое свидетельство рефлексивной позиции. Рефлексия, как мы уже отмечали, всегда рассматривает поведение в свете решения определенной задачи при определенных объективных обстоятельствах. В частности, хотелось бы подтвердить, что все телеологические объяснения того или иного поведения, о которых речь шла выше, представляют собой его рефлексивное описание, ибо фиксируют содержание образцов в форме целесообразной деятельности.

3. Парадоксы рефлексивной позиции

⁹ Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М., 1986. С. 480–481.

Противопоставление рефлексивного и надрефлексивного подходов принципиально важно для семиотики и эпистемологии, избавляя ее от многих методологических трудностей и парадоксов. Исследуя, например, науку с рефлексивных позиций, мы не только начинаем заниматься своеобразным «плагиатом», но плюс к этому сплошь и рядом берем на себя обязанности участника исследовательского процесса. С этим, в частности, связаны трудности, с которыми сталкивается лингвистика при изучении значений. Вот что пишет по этому поводу известный лингвист Л. Блумфилд: «Ситуации, которые побуждают человека говорить, охватывают все предметы и события во вселенной. Чтобы дать научно точные определения значения для каждой формы языка, мы должны были бы иметь точные научные сведения обо всем, что окружает говорящего. Однако реальный объем человеческих знаний чрезвычайно мал»¹⁰. Именно этот факт приводит Блумфилда к мысли, что «определение значений является уязвимым звеном в науке о языке и останется таковым до тех пор, пока человеческие познания не сделают огромного шага вперед по сравнению с современными достижениями». Получается, описывая язык, описывая наши понятия, мы одновременно описываем и мир; выделив для изучения, казалось бы, очень локальный объект – значение, мы, сами того не желая, взвалили на свои плечи непосильную задачу развивать человеческие знания о Вселенной. Разве это не парадокс! В чем же дело? А в том, что, встав на рефлексивную позицию, мы тем самым стали и участниками процесса развития языка, стали элементом рефлектирующей системы. Но язык эволюционирует только в составе Культуры в целом. Поэтому, начав с изучения языка, мы и попадаем неминуемо в мир познания вообще.

Но действительно ли это так? Давайте попробуем не пойти по этому пути. Нас не интересует ни мир атомов и молекул, ни мир галактик и звездных скоплений, нас интересует человеческий язык, человеческие понятия. Есть, например, такое понятие «поваренная соль», которым мы постоянно пользуемся в быту. Описывая в связи с этим феноменологию человеческого поведения, мы обнаружим, что это слово используется для обозначения класса ситуаций, в которых так или иначе присутствует некоторое вещество, обладающее определенными специфическими признаками. Но, сказав это, мы уже снова попали на путь описания совсем не тех объектов, с которых начинали: мы начали с языка, а кончили веществами и их признаками. Идя дальше в этом направлении, мы обнаруживаем, что слово «поваренная соль» обозначает NaCl. Это нам подсказывает химия. А если бы химия этого еще не знала? Неужели задача лингвиста или логика может состоять в том, чтобы самостоятельно разрабатывать соответствующие представления? А теперь давайте подумаем о том, что происходит, когда речь идет не о бытовых понятиях, а о значении научных терминов. Неужели в задачи исследователя науки входит определение значений таких понятий, как «масса» «энтропия», «энергия» и т.д.?! Выше мы видели, что и сами физики не очень-то с этим справляются.

¹⁰ Блумфилд Л. Язык. 1968. С. 142.

¹¹ Там же. С. 143.

Нечто аналогичное имеет место и при попытках рефлексивного описания исторического развития наук. Приведем конкретный пример, показывающий реальность этой проблемы. Допустим, что историк математики пытается описать способы работы Евклида. Он обнаруживает, что в своих доказательствах Евклид интуитивно опирается на некоторые предпосылки, которые им самим явно не сформулированы. Казалось бы, описание того, что делал и как рассуждал Евклид, предполагает точную формулировку указанных предпосылок. Посмотрим, однако, к чему приведет такого рода экспликация. Мы получим, вероятно, нечто похожее на аксиоматику Гильберта, т.е. не только переведем труд, созданный примерно за триста лет до нашей эры, на математический язык конца XIX века, но и сильно двинем геометрию вперед. Парадоксальный результат: историк хочет описать развитие науки, а оказывается, что Евклид не мыслил в рамках аксиоматики Гильберта. Он просто опирался на современные ему образцы геометрических рассуждений. Утверждая это, мы, однако, фиксируем только некоторый механизм его деятельности, но ничего не говорим о ее содержании. Хотелось бы, разумеется, что-то сказать и о содержании, но это неизбежно приводит к фиксации феноменологии соответствующей деятельности, т.е. к ее характеристике с рефлексивных позиций. Эксплицируя неявные аксиомы Евклида, историк как раз и получает такого рода характеристику. То, что это делает не сам Евклид, не имеет в данном случае никакого значения. Перед нами рефлексия, которую осуществляет историк над деятельностью Евклида.

Итак, любую социальную эстафету можно рассматривать с двух точек зрения: во-первых, можно фиксировать средствами языка содержание образцов, во-вторых, – выявлять те эстафетные структуры, благодаря которым как раз это содержание и существует. Первая точка зрения – это позиция рефлексии, которая, как было показано, совпадает с понимающим подходом, вторая связана с объясняющим подходом. Рефлексия, фиксируя содержание социальной памяти, играет очень важную роль в процессах социализации и трансляции опыта, но ее при этом не интересует, как эта социальная память устроена. Она сама образует элемент этого устройства на определенном этапе его развития. Очевидно, что возникновение речи и переход от непосредственных образцов к языковым средствам фиксации опыта – это революция в развитии человечества. И революция эта проходит много этапов от ситуативных актов коммуникации до развития современных систем знания. Что же такое надрефлексивная позиция? Она не совпадает ни с понимающим, ни с объясняющим подходом, ее задача прежде всего – анализ их взаимоотношения. Иными словами, объектом изучения должна стать сама рефлектирующая система как целое, закономерности ее жизни и функционирования.